

Игорь Шестков "НЛО в Берлине"

НЛО В БЕРЛИНЕ

Недавно мне по почте прислали рукопись, найденную в бумагах умершего пациента одного из домов престарелых в пригороде Атланты. Ее обнаружила медсестра, но не сожгла вместе с остальными личными вещами покойного через полгода после его смерти, как следовало по закону, а вымарала имя автора и передала своему приятелю, интересующемуся летающими тарелками, зелеными человечками и чупакабрами. Приятель этот попытался было продать рукопись редакции уфологического журнальчика в Бостоне, печатающего сообщения «контактеров». Но редакция ее, уж не знаю по каким причинам, отвергла. Хотя приятель просил всего-то пятьдесят баксов.

Рукопись пошла по рукам...

Последний владелец, мой давний интернетный знакомый и также, как и я, эмигрант из бывшего СССР, купил ее на блошином рынке в Нью-Йорке за пять баксов и прислал мне, в Германию. Потому что я, зная о его особом интересе к космическому и сверхъестественному, просил его лет десять назад найти для меня еще не опубликованное свидетельство очевидца, если таковое попадет к нему в руки. Я как раз собирался тогда писать рассказ о НЛО, и мне нужна была подлинная история контактера... хотелось взять за основу реальное событие, а не выдумывать.

Этот же знакомый перевел по моей просьбе рукопись с английского на русский. Предлагая рукопись читателю, не льщу себя надеждой, что кто-либо испытает катарсис или хотя бы поверит покойнику на слово. Меня эта рукопись привлекла даже не рассказом о «близком контакте седьмого рода», подозрительно смахивающем на некоторые известные кино-сюжеты, а схожей с моей мотивацией автора. Почти все свои рассказы я написал для того, чтобы «наконец разобраться с чем-то, глубоко поразившим меня» и «поставить точку». То, что вместо точки так часто вылезает вопросительный знак, не моя вина.

Прошло ровно полстолетия с того памятного августовского вечера, когда с нами, с моим другом Томасом С. и со мной, случилось это странное и ужасное происшествие, которое так сильно и страшно повлияло на нас, и мы, после того, как пришли в себя, и стало ясно, что надо – плохо ли хорошо ли – жить дальше, поклялись друг другу никогда никому не говорить ни слова о происшедшем – не только для того, чтобы жить и дальше жизнью беззаботных студентов, и не возвращаться постоянно в мыслях в тот прохладный вечер в северной Калифорнии, но и потому, что нам все равно никто бы не поверил, а если мы стали бы настаивать, созывать пресс-конференции или обращаться на телевидение, то вполне возможно попали бы в психушку, или в лапы к людям-в-черном, которые скорее всего выбили бы электрошоком воспоминания из наших голов, как они поступили со стариком Хэмсоном, который, не вынеся ужаса искусственно созданной амнезии, вышиб себе мозги выстрелом из двустволки. Да, нам не хотелось вечно пытаться себя, задавать себе бесконечные бессмысленные вопросы... потому что ответов на эти вопросы попросту нет. И мы это почувствовали сразу после случившегося, тогда, в шестидесятые. И постарались с этим примириться, поскорее забыть и убежать подальше и физически и метафизически от этого проклятого поселка на берегу океана, состоящего из деревянных летних домиков-коттеджей, в которых торчат в летнее время ищущие прохладу и одиночество богачи из Лос-Анжелеса. Где все это и произошло.

К сожалению, года через три после окончания университета, я потерял связь с Томасом. Он женился на хорошо обеспеченной англичанке, так и не повзрослевшей фанатке Битлз, и уехал жить в ее поместье, в Англию, где, по слухам, родил троих детей и сделал научно-военную карьеру, умудрился не только продать тупоголовым милитаристам свою идею, но и смог превратить ее на их средства в готовое изделие... действие которого испытали на себе позже несчастные аргентинцы в той безобразной и никому не нужной Мальвинской войне.

Жив ли он сейчас, сдержал ли он слово или выдал кому-то нашу тайну, я не знаю.

Ни английская, ни американская пресса, кажется, пока ни словом не упомянули про наш случай. По крайней мере, я не нашел упоминания о нем в тех газетах, которые читал в семидесятые-восемидесятые, а позже и в интернете. Возможно, после стольких сенсационных публичных откровений других «контактеров», вроде фермера Прискинда и этих идиотов, супругов Нил, с их шариками, иглами и светящимися треугольниками, наш откровенный рассказ никого бы и не поразил...

Но это уже не играет никакой роли... мне, только мне одному, важно записать для себя то, что я еще помню и поставить этим наконец точку на этой ужасной истории, залечить застарелую рану, которая до сих пор кровоточит, несмотря на то, что я пятьдесят лет молчал и пытался забыть. Или, может быть, именно поэтому. Но, согласитесь, не мог же я, сын сенатора-республиканца и истовой католички, просто так, за ресторанным столиком, в кругу семьи или в полиции... рассказывать в подробностях о том, как совокуплялся с инопланетянкой, а потом крутился колесом грузовика непонятно где, путешествовал между звездами, как этот, с лошадиным черепом... капитан Жан... и носился по загробному миру! Я ведь не Голливуд, которому прощают все.

...

Ладно, по порядку.

После четвертого года обучения в университете Миранды мы решили прокатиться по Калифорнии. Взяли напрокат машину... Pontiac GTO. Пепельно-голубой красавец, не автомобиль, а тигр... мощный, роскошный... Мы его боготворили, и наши ветреные подруги млели и таяли в его кабине... несмотря на «переоценку ценностей и критику капитализма». Круче нас были только байкеры, «беспечные ездоки», которых мы с удовольствием обгоняли на хайвеях. Эти парни на своих харлеях были настоящими хиппарями, а мы с Томасом – только хиппующими хипстерами... каждому свое.

Томас выцыганил у своего состоятельного папаши три тысячи, а у меня и свои монетки водились. И мы поехали.

Искали отели подешевле (вроде мотеля Бейтса), ели только фрукты и таскались

по пляжам и барам. Курили травку... жевали сахарок с ЛСД... но настоящий трип так и не пришел, хотя шутник Томас изо всех пытался показать мне, как его проняло... хрюкал и ржал и орал что-то про «бронзовую башню на колесиках и прыгающую с ее крыши голую женщину с огромной головой и ребенка-демона». Но я ему не поверил... мне-то самому привиделись тарантулы... стою я будто в каком-то замызганном коридоре... и тарантулы лезут из дырки в стене и я их бью, бью тапочком, но раздавить не могу, и очень боюсь укуса. Мерзко было ощущать мягкость тапочка, как будто глядящего мерзких пауков. Я интерпретировал это видение так – я слишком мягок, нерешителен для этой жизни. А тарантулы все выползали и выползали...

Я про них Томасу и не рассказал, не хотел, чтобы он меня еще и тарантулами дразнил и предлагал сплясать тарантеллу.

От ЛСД я ожидал чего-то более интересного. Космического путешествия или сюрреалистического секса. Наверное нас надули продавцы-мексиканцы недалеко от морского порта в Сан-Франциско... надо было бы их найти и припугнуть томасовой пушкой.

...

Да, мы искали девушек... с оранжевыми ленточками на лбу и цветочками в руках... и находили... и наслаждались жизнью, как могли... несколько раз ввязывались в драки... Томасу выбили зуб, а мне сломали палец, один раз нас даже задержала полиция за неправильную парковку и грубый ответ полицейскому... выписали квитанцию на штраф и отпустили. Томас умудрился подхватить гонорею вместе с трихомонозом... славно, в общем, прокатились, загорели и оторвались.

А в конце... заехали в какой-то поганый городок... как же он назывался? Санта Роза?

Нет вроде. Не помню... Решили в кино сходить.

Что-то крутили там научно-фантастическое... еще музыка так неестественно сладко ныла. В очереди за попкорном познакомились с двумя девушками.

Местными, кажется...

Обе платиновые блондинки или альбиносы, грудастые и длинноногие. И так друг на друга похожи, что не отличишь. Близняшки? Мы спросили, а они только

рассмеялись в ответ. Пожимали плечами, хихикали и целоваться лезли.

Куколки.

Во время сеанса только обнимались-целовались. Решили найти хазу, широкие кровати и потрахаться вволю. И девушки, кажется, хотели того же.

Нет бы нам догадаться, что ЭТИХ лучше не трогать, что ИХ надо бы оставить в покое и бежать от НИХ без оглядки, но молодые люди ведь не чувствуют ничего, кроме того, что им кукуруза между ног шепчет.

Ну да, погрузились мы все в наш Понтиак, и поехали. А куда? В мотель не хотели, вульгарно! Хотели приключения, чтобы как в кино, на Марсе или на Венере.

Отъехали от городка по горной дороге миль на сорок, выехали на хайвей номер один и полетели вдоль океана...

В машине слушали The Doors, передавали тогда по радио раз по двести в день – Moonlight Drive... пили пиво и несли какую-то чушь. Близняшки наши хохотали от любой глупой шутки и посматривали на нас довольно томно...

соблазнительно потряхивали бюстами. Томас крутил баранку, а я с девчонками на заднем сидении гоношился...

Где-то припарковались и решили идти пешком к океану, чтобы «пронзить вечер, взобраться на гребень волны и доплыть до Луны».

Луна казалась синеватым диском с расплывчатыми краями... океан мы не видели, слышали только глухой рокот прибоя... как будто великан пересыпал совком камешки... мы пошли на этот звук и через несколько минут вышли не к крутым прибрежным скалам, как рассчитывали, а к группе деревянных коттеджей, свободной, привлекательной архитектуры... как бы небрежно раскиданных вдоль берега океана.

В некоторых домиках горел свет, в ближайшем к нам двухэтажном коттедже с террасой и башенкой – света не было видно. Мы подошли к нему поближе.

Пластиковые стулья на асфальтированной площадке перед входом в коттедж были собраны в затейливую пирамиду и скованны цепочкой на замке. Рядом с входной дверью валялись листья и сор. Окна закрыты ставнями.

Томас тихонько взломал ставни одного из окон на первом этаже, также неслышно разбил стекло ударом кулака, обернутого в майку, победно крикнул,

распахнул окно и влез в дом, а потом открыл нам изнутри входную дверь.

Демонстративно расшаркался и застыл, как мраморный, приняв позу хозяина дома, приглашающего в свой замок высокопоставленных гостей. Томас был на такие штуки мастер.

Девушки, казалось, и не заметили того, что мы вторглись на чужую территорию и совершили тем самым уголовно наказуемое деяние... они радостно хихикали и бросали на нас страстные взгляды.

Неожиданно я понял, что они до сих пор не сказали ни одного слова – только хихикали, ухмылялись, пританцовывали, жестикулировали плечами и головой и гримасничали...

Подумал – может они не только красотки, но еще и немые? Идеальные подружки!

...

Весь первый этаж коттеджа занимала огромная гостиная.

Мы пытались зажечь свет, но сколько ни щелкали выключателями, так ничего и не добились, электричество было отключено... идти искать в подвал рубильник мы побаивались, жутко... да еще... вдруг сигнализация включится?

Темнота не мешала, только стоящую тут же, в гостиной, радиолу с четырьмя громадными динамиками включить было невозможно... а так хотелось послушать музыку и потанцевать... но у Томаса был карманный приемник, который он вечно таскал с собой, так что Джим Моррисон уже пел нам своим хриплым экстатическим голосом Hello, I love, you...

Нашли старые медные подсвечники и свечи, зажгли их.

Мы с Томасом забрались с ногами в роскошные кресла...

Девушки не сели к нам на колени, хотя мы их активно приглашали – и голосом и жестами, а влезли, вовсе не стесняясь, на тяжелый шестиугольный дубовый стол, стоящий между креслами, на поверхности которого мерцали какие-то непонятные знаки, и начали медленно танцевать, подняв свои длинные руки, на которых позвякивали странные браслеты из синеватого металла.

Извиваться.

Кружиться.

Клубиться.

По стенам, увешанным препарированными океанскими рыбинами и чудовищно

большими крабами, залетали как летучие мыши причудливые тени...

Девушки сбросили с себя свои полупрозрачные платьица, розовые туфельки и нижнее белье... нагими они были похожи на отлитые из лунного света фигуры.

Длинные их волосы рассыпались у них по спинам...

Танец их напомнил мне пляску длинных язычков пламени свечи с двумя фитилями. Подруги обвивались вокруг друг друга... да так страстно, что у меня в голове прошелестело – этим мужчины нужны в лучшем случае в роли зрителей... мы с Томасом можем им только помешать... или это только предварительная игра?

Почему-то я испугался...

Похоже, Томас тоже почувствовал страх, но отреагировал на вызов иначе... вскочил, ловко сбросил с себя одежду и обувь... и прыгнул как молодой леопард на шестиугольный стол. Поднял свои худющие грабли, растопырил пальцы и затрясся в экстазе. Попытался превратиться как и наши подруги в колеблющиеся лунные водоросли, начал извиваться и качаться как живое пламя. И у него это получилось!

А затем... неодолимая сила заставила и меня сделать то же самое.

Через двадцать секунд я уже танцевал на столе... и чувствовал, как и мое тело постепенно растворяется непонятно в чем, в любовной энергии или в неровном свете... и исчезает, и я превращаюсь в пламя...

Необыкновенное, неведомое мне до тех пор наслаждение... испепелило то, что мы в своей непроходимой тупости называем «реальностью»...

Но тут пришла еще ни разу в жизни не испытанная боль, и меня кинуло куда-то... как будто кто-то взял меня двумя огромными пальцами за талию и швырнул... сквозь пространство и время, к черту на куличики.

...

Первое, что я осознал, после того, как очнулся, – волшебство не кончилось...

Я очутился в какой-то непонятной местности... в долине что ли. Я двигался.

В широкой, сумрачной долине между невысоких красноватых гор.

И долина, и горы – вертелись, вертелись как пропеллер.

Я не сразу сообразил, что долина и горы стояли себе на месте, а вертелся я – превратившийся в переднее колесо грузовика фирмы Маск, мчащегося по

хайвею.

И плохо мне от этого верчения не было, наоборот, даже приятно.

Да, я был колесом... я чувствовал тяжесть машины, передающуюся через ось на мои шины, я ощущал каждую выбоинку, каждый камешек на дороге, попадающий под меня.

Что же это? Флешбэк, который настиг меня после того, неудавшегося трипа с тарантулами? Говорят, флешбэк может прийти и годы спустя после приема этого дьявольского препарата и ничего не иметь общего с первоначальными галлюцинациями.

Тут что-то неожиданно ударило меня, возможно, грузовик наехал на камень побольше...

Долина, горы, дорога... перестали крутиться... а потом исчезли.

...

Я по-прежнему сидел в кресле, а напротив меня сидел Томас.

У нас на коленях лежали прекрасные девушки-близняшки.

Моя прелестница шептала мне на ухо... или это была телепатия? Я не помню звук ее голоса...

– Ты и твой друг, вы не должны были прерывать наш танец. Танец-огонь-свет это наша связь с родиной. Это как антенна и передатчик... Вы прервали связь и произошло что-то вроде короткого замыкания, вас кодировали и унесли в другую точку пространства... в другое время, в другое место... грузовик проезжал там случайно и ты материализовался в его колесе... а Томас – хи-хи – попал в ветровое стекло, а мог бы попасть в зуб водителя или в его кишки, или в выхлопную трубу... представляешь, что бы он испытал? Хорошо еще, что Комитет имеет возможность быстро восстанавливать континуум, вас, как видишь, закинули назад, радуйся и будь впредь осторожен, будь осторожен, сделай то, что нужно и ты свободен, свободен...

Вот тебе и флешбэк!

– Фак! Кто ты такая, черт тебя возьми? И какой такой Комитет кидает меня туда-сюда? Я вам что, мячик что ли? Фак!

Не стоило мне не разобравшись, что к чему, хамить этому существу. Я опять почувствовал чьи-то огромные пальцы на своей талии...

На сей раз меня занесло куда-то далеко-далеко от нашего доброго земного мира. Я не был больше человеком... телом... просто находился в какой-то небольшой области межзвездного пространства. Ничего не чувствовал, кроме пустоты вокруг, пустоты в себе, я ведь и был пустотой, непонятно как одушевленной. Как я мог видеть или чувствовать без глаз, без ушей, без тела – я не понимал, но видел и чувствовал.

Видел только звезды вокруг себя. Мерцающие капельки света. Далекie, недоступные...

Как пуста и бессмысленна эта вселенная! Какое глупое творение...

Значит, – пытался рассуждать я сам с собой, – эти альбиносские девы или то, что в них временно поселилось, обладают способностями переноситься в любую точку вселенной и заполнять собой тела, предметы или пустоты. И я сейчас закодирован, я тоже подобное существо... то есть и я могу, как они...

Я сконцентрировался на первой попавшейся маленькой лиловой звездочке и изо всех сил пожелал приблизиться к ней... и меня понесло, понесло, как несет осенний ветер опавший листок... и вот я уже недалеко от страшного пылающего и плюющегося облаками плазмы огненного гиганта... и вижу я этот кошмарный шар как бы не человеческими глазами, а огромным оком Абсолюта... вижу и видимый человеческому глазу свет и радио- и даже гамма-излучение...

Возвращение на этот раз не было безболезненным.

Меня протащило сквозь газовые туманности и сквозь звезды, и даже сквозь Сатурн, внутри которого я явственно видел...

Я опять сидел в том злосчастном кресле, обнимал свою блондинку и слушал все того же Моррисона. Он пел и пел. Твои глаза будут как жемчуг когда ты умрешь...

...

– Хорошо, убедила, я понял. Что ты хочешь от меня? Неужели я могу тебе что-нибудь дать? Ты ведь наверное уже меня просветила какой-нибудь дрянью и знаешь, что я за человек... поверхностный... эгоистичный... пустой.

– Ты здоровый. Я хочу, чтобы ты любил меня.

– Пойдем наверх.

– Не надо больше никаких «пойдем»...

И мы оказались на втором этаже коттеджа, в одной из спален, на незастеленной постели, покрытой чехлом из грубой ткани. Моя подруга прикоснулась к чехлу длинным указательным пальцем, и он превратился в шелк, в целое море разноцветных благоуханных шелков...

За мгновение до начала оргазма, когда вселенная и без ее сверхчеловеческих сил скакала как заяц и прыскала во все стороны концентрированной радостью, моя возлюбленная вдруг показала мне свое истинное обличие. Стала собой.

Таковы, видимо, были правила игры... зачинать этим существам приходилось без маски.

Описать ее я не в состоянии.

Ничего общего с человеком, пауком, пантерой или греем у нее не было. Ни в научно-фантастических фильмах, ни в ужастиках я не встречал ничего подобного. Лишь один художник (Флиггер) рисовал нечто, отдаленно напоминающее мою партнершу в ее настоящем виде, его картины я увидел много лет спустя, и сразу узнал ту, с кем занимался любовью тогда в коттедже, на берегу Тихого океана. Видимо, он тоже имел контакт с этими существами.

Я так испугался, что невольно отпрянул от моей «дамы», и сперма не попала по назначению. Это, по-видимому, взбесило ее, она спазматически дернулась, зарычала или заскрежетала, и меня опять выкинуло из нашей реальности.

На сей раз я попал в мир, который чрезвычайно трудно описать словами.

Потому что пространство в нем не было пространством, которое можно померить кубическими футами. Тем не менее, это было пространство, пространство, как бы ортогональное нашему, в котором существовало нечто, и это нечто обладало внутренним многообразием. А время там нельзя было представить как постоянно и равномерно возрастающее число секунд...

Скорее, это были линии, перпендикулярные вектору нашего обычного времени.

Линии, расходящиеся в разные стороны.

Такие понятия как «предмет» или «живое существо» не имели там никакого смысла.

Мое «тело» в этом мире было похоже на то, чем в нашем мире являются радиоволны...

Мое «я», и в нашем, рациональном мире, не очень-то стабильное, в том мире

сразу раскололось на несметное множество «волн», которые тут же побежали в разные стороны и образовали причудливые интерференционные картины...

Это и был настоящий «я».

Уже после того, как я покинул этот мир, я назвал его сам для себя «Мистерией жизни и смерти», потому что встретил там умерших.

Они сообщили мне, что...

На этом рукопись обрывается. Кто-то грубо оторвал оставшийся кусок листа и похитил продолжение. Романтическая история. Жалко, что она прерывается на самом интересном месте. Впрочем, есть истории, которые нельзя прочитать, их всегда нужно переживать и заканчивать самому. Своей собственной судьбой.

Да, кстати, может быть именно поэтому, я мой рассказ о НЛО так и не написал. Не смог вписать этот «эпизод», или как писал выше «контактер» – это «происшествие» в главный сюжет моей жизни. Оно так и осталось выколотой точкой.

Какое такое «происшествие»?

А вот какое... в начале двадцать первого века, примерно через полгода после моего переезда в Берлин из Саксонии, я видел в небе Берлина самый настоящий неопознанный летающий объект. Видел я его из окна городской электрички, с-бана.

Потрясающее зрелище!

Я и глаза протираю и щипал себя, ничего не помогло.

Летела себе эта штуковина по небу так естественно, нормально, органично, как птичка, голубок или ворона. Но на птицу она вовсе не была похожа, скорее она походила немного на летающий автомобиль – Делореан, машину времени из «Назад в будущее», и немного на космический корабль «Энтерпрайз» из «Звездного пути» с капитаном Пикаром. Но только немного, потому что этот НЛО был еще и полупрозрачным и светился и переливался синеватыми и лиловыми огоньками как подводный корабль инопланетян из кинофильма «Бездна».

И тем не менее, мой НЛО был настоящий, вовсе не киношный, и его явление «оставило неизгладимый след в моей памяти». Забыл сказать – размером НЛО был примерно с автобус. Летел он метрах в шестидесяти от меня, на высоте около сорока метров, довольно медленно, параллельно путям, навстречу поезду. Чувствовалось, что летит он не как ракета и не как аэродинамическая машина, а как-то иначе. Антигравитация?

Наблюдал я его секунд десять-пятнадцать. Ни на раскрашенный самолет, ни на рекламный дирижабль, ни на большую модель с мотором он похож не был. Мне показалось, что он снижается. Но там, куда он вроде бы собрался садиться, не было никакой «полосы», не было и улицы, только какие-то производственные здания, гаражи, трубы, тумбы, неприглядная урбанистическая мешанина.

...

Чаще всего я смотрю на окружающий меня мир через окно общественного транспорта, которым пользуюсь за неимением частного. Приятно смотреть в окно, заниматься вуайеризмом! Это как бесплатное кино... Кино жизни. Бог смотрит его все время нашими глазами... Впечатлений можно набраться... много чего понять... проверить свои теории... заправиться энергией мегаполиса, чтобы потом перегнать ее во что-то путное и полезное... в берлинское вино, пахнущее правда выхлопными газами, окурками, собачьим говном и годами не убираемым с улиц мусором.

Ну да, еще я гуляю, и подолгу глазею на мир, просто так, как прохожий. Но гуляю я чаще всего по тому району, где живу, а вот езжу я сравнительно часто и по тем местам, где еще не бывал...

Вот так тогда и было – я ехал на с-бане в тот район Берлина, где еще ни разу не был. Проехал неприятное место – Осткройц, почти не изменившийся с довоенных времен и сохранивший толику кайзеровской романтики старой доброй Германии, позже начисто уничтоженной ремонтом и новыми, циклопическими, вовсе там ненужными постройками, и вокзал Лихтенберг, с которого много раз уезжал в ненавистный город К..

Помню бесконечно долгое ожидание поезда на его длиннющих платформах. Мела снежная крупа, сырой берлинский ветер продувал насквозь... я всегда ждал поезда на перроне... в здании вокзала было тепло, но там нехорошо

пахло... несметные полчища южных и восточных людей проезжали тогда через Лихтенберг... многие из них подолгу не мылись... другие и не знали, что надо мыться. Запомнились их смуглые грубоватые лица... черные масляные глаза... они все казались мне ворюгами и бандюганам... даже женщины и дети.

А после Лихтенберга я ехал по Марцану, среди блочных домов гэдээровской постройки. Места эти были мне тогда незнакомы, а архитектура – ох как хорошо знакома. От Ясенево и Теплого Стана эту часть Берлина отличало только сравнительно хорошее состояние швов между бетонными блоками, ну и еще отсутствие развешенного на балконах белья и аккуратность их застекления... и дороги, хоть и были хуже настоящих, западногерманских, но все-таки лучше, чем московские.

Люди Марцана... были похожи на москвичей. Точнее – на карагандинцев или челябинцев. И говорили так же.

– Маня, батюшки, как я рада-то! Ведь он мне позвонил вчера... да. И мы так болтали, так болтали... да, обо всем болтали-то мы. Слушай, Мань, ко мне золовка приезжает на Пасху-то. С Уфы. С племяшиком, с Ильюшинькой. Как же он растолстел, Ильюшка-то, просто урод!

Ехал я тогда в один торговый центр, должен был там забрать новую цифровую фотокамеру, которую за день до этого заказал в Интернете. Не помню, какую, много их у меня было. И в зоомагазин зайти надо было.

Камеру, кстати, я забрать так и не смог, перепутали что-то продавцы. Уехал тогда ни с чем... Все об этом удивительном «происшествии» думал, о том, изменится ли теперь как-то моя жизнь... или все как обычно засосет трясина обыденности... и в зоомагазин не зашел.

...

Да-да... и вот, перед станцией Спрингфуль, вдруг слева по ходу поезда и показался этот самый НЛО с лиловыми огоньками.

Я увидел его и рот открыл от удивления. А едущие со мной в вагоне люди – или не заметили эту летящую каракатицу, или заметили, но ей вовсе не заинтересовались.

Я-то себя щипал и глаза протирал, а другие – себя не щипали, и глаза свои мутные и равнодушные не протирали... кто читал, кто в смартфон уставился, а

другие просто тупо смотрели перед собой, ничего не видя и не слыша.

Несколько молодых людей похожих на спортсменов, с туповатыми и агрессивными лицами, кажется тоже заметили, но вместо того, чтобы вскочить, замахать руками и что-то громко заорать, они только грязно осклабились...

Так что из всего вагона увидели и восприняли НЛО только я, да маленький песик у соседки. Я заметил, он тоже смотрел в небо и удивлялся, даже заскулил от удивления, за что на него зарычала его хозяйка, дебелая носатая тетка неопределенного возраста... он был, кажется, единственной живой душой в вагоне...

Дома я рассказал про НЛО моей немецкой жене. Описал его во всех подробностях, не забыл упомянуть и реакцию на НЛО моих попутчиков, даже про собачку рассказал.

Она меня выслушала, а потом спросила: Ты корм для птиц не забыл купить?